

Глава 15

Повозка, запряженная неторопливым осликом, остановилась на раскисшей от грязи большой дороге, ведущей к деревне.

Тао Цинъюй первым спрыгнул на землю, после чего обернулся и помог спуститься Цинь Чжу. Достав кошель, он отсчитал шесть медных монет, но старик-возница лишь качнул головой и с улыбкой посмотрел на Цинь Чжу.

— Гээр уже расплатился.

Цинъюй убрал руку и, отведя друга в сторону, требовательно спросил:

— Признавайся, когда это ты успел?

— Да еще в повозке! — Цинь Чжу нетерпеливо потянул его за собой к длинному спуску. — Идем скорее! На улице такая стужа.

— Нам в другую сторону, — Цинъюй убрал серебро в кошель и увлек друга на узкую боковую тропинку.

Над головами раскрылся зонт. Из-за тесноты Цинь Чжу пришлось прижаться к другу почти вплотную, перехватив его под руку.

Снег повалил сильнее, с негромким перестуком ударяясь о натянутую бумагу зонта. Укрытые под ним от непогоды, путники шли не спеша.

— Сяо Юй, почему мы не пошли по большой дороге?

— Здесь ближе.

— И не стыдно тебе так нагло врать? Мы же явно делаем крюк.

— А теперь представь, — совершенно серьезно отозвался Цинъюй, — что твой дед увидит, как ты разгуливаешь со мной. Как думаешь, запрет он тебя дома или нет?

Цинь Чжу такое объяснение не устроило:

— Когда за мной заходил дядя Сяо Фан, дедушка его видел. Признайся честно: ты просто не хочешь встречаться с деревенскими.

Поняв, что провести друга не удастся, Циньюй сдался:

— Раз уж ты всё понял, зачем спрашиваешь?

— Но тебе ведь нечего стыдиться! — возмутился Цинь Чжу.

Тао Циньюй ласково, точно щенка Сяо Хуана, погладил его по голове, умиряя праведный гнев.

— Стыдиться мне и вправду нечего. Просто не хочу лишней суеты.

— Это верно. У наших сельчан языки длинные — вовек не замолчат.

Тропинка, по которой они шли, ответвлялась от главного тракта. Огибая деревенские склоны, она петляла через перелески и выходила к западной окраине, где почти никто не жил — прямо к дверям их дома. Путь этот был заросшим, зато ноги здесь меньше вязли в грязи.

Меньше чем через четверть часа показались крытые соломой хижины семьи Тао. Едва они подошли к калитке, как навстречу с радостным поскуливанием выбежал Сяо Хуан.

Сидевшие в доме вокруг жаровни домочадцы разом подняли головы. Сун Хуань отложила шитье и встретилась взглядом с Тао Циньюем. Тот лишь застенчиво улыбнулся.

«Понятно. Опять ничего не вышло»

У женщины болезненно сжалось сердце.

— Младший папочка, вторая тётушка, младший дядя — мы вернулись!

— Дядя Сяо Фан, тётушка Сун, дядя Ян — мы дома!

Фан У поднялся с места:

— Что вы застыли на пороге? Проходите скорее.

Ян Цюэ, глядя на раздумывавшихся от мороза юношей, поспешно снял с жаровни чайник и наполнил их чашки. Циньюй и Цинь Чжу, точно два пугливых перепела, пристроились рядом со старшими, не сводя глаз со своего горячего чая. Они переглянулись и тут же понуро опустили головы, не смея проронить ни слова.

Вдруг ногу Цинъюя что-то придавило. Сяо Хуан, приласкавшись, улегся прямо на его ботинок. Цинь Чжу, чей взгляд мгновенно прояснился, с радостью переключил всё свое внимание на щенка. Оставив чашку, он принялся беззаботно играть с собакой.

Тао Цинъюй остался сидеть в одиночестве — застывший, точно изваяние, и не знающий, куда деть глаза. Фан У и остальные, словно сговорившись, продолжали неспешную беседу, делая вид, что не замечают их смятаения.

Лишь когда румянец на лицах юношей стал естественным, а чай был допит, Фан У заговорил:

— Проводи А Чжу к себе, отдохните немного. Скоро будем обедать.

Цинъюй мигом поставил чашку на стол и, подхватив друга за руку, увлек его в свою комнату. Сяо Хуан, на мгновение опешив от исчезновения ласковой руки, быстро перебирая четырьмя лапами, бросился следом.

Едва дверь закрылась, Цинъюй шумно выдохнул. Цинь Чжу присел на корточки, продолжая гладить щенка.

— Чего ты так боишься, Сяо Юй? Дядя Сяо Фан и остальные вовсе не злятся.

— Тебе не понять.

На самом деле Цинъюя просто мучила совесть.

В горнице тем временем Фан У и остальные тяжело вздохнули. Сун Хуань, чьи движения стали резкими от досады, едва слышно проворчала:

— Непутевый... Раз вернулся так рано — значит, точно не сговорились.

— И то хорошо, что вообще пошел, — отозвался Ян Цюэ. — Не ворчи на него.

— Да я всего слово и сказала! Разве я хоть что-то высказала ему в лицо?

Слушая их перепалку, Фан У убрал ткань в корзинку для рукоделия.

— Довольно. Вернулись — и ладно. Это всяко лучше, чем сидеть здесь и изводить себя напрасной тревогой. Пойду готовить.

Ян Цюэ тут же вскочил:

— Овощи нарезать нужно?

— А мясо будет? — с надеждой спросила Сун Хуань.

Фан У негромко рассмеялся:

— Овощи не трогай. А вместо мяса будет «постное».

— Опять тофу, — вздохнула Сун Хуань.

— Раз это готовит брат У, ты можешь и не есть, — поддел её Ян Цюэ.

Сун Хуань шутливо оттолкнула его:

— Это еще почему? Что захочу, то и буду есть!

***

В комнате Тао Цинъюя Цинь Чжу развязал тесемки накидки и протянул её другу.

— Вот, накидка Учителя Фана.

Цинъюй поспешно выхватил её и, аккуратно свернув, спрятал на самое дно сундука. Он решил дожидаться момента, когда домашних не будет поблизости, чтобы втайне выстирать вещь и вернуть владельцу.

— Не говори чепухи, — пробурчал он. — С чего ты взял, что это Учитель Фан её дал?

Цинь Чжу потрепал щенка за уши и хитро улыбнулся:

— Ладно-ладно, не буду.

Он решил для себя, что просто подождет и посмотрит, когда же Сяо Юй окончательно попадет на крючок Учителя Фана.

***

Прошло несколько дней, и жизнь потекла своим чередом. Тао Цинъюй выстирал свою новую одежду и припрятал её до праздников.

Конец года приближался, и сельчане всю готовились к торжествам. Походы в уезд участились, а вместе с ними в деревню поползли и недобрые слухи.

В тот день зимнее солнце светило особенно ярко, принося долгожданное тепло. Самое время было погреться в его лучах. Ян Цюэ, прихватив горсть тыквенных семечек, направился к огромному дереву гинкго, что росло у площадки для обмолота зерна.

Выйдя на тропинку, он увидел группу людей, сидевших спиной к дому Тао. Ян Цюэ уже собирался окликнуть их и пристроиться рядом, как вдруг услышал упоминание о своей семье.

Лицо его мгновенно потемнело. Ступая как можно тише, он нырнул за толстый ствол гинкго, который едва могли обхватить несколько человек, и затаил дыхание, прислушиваясь.

«Ах ты ж! Ну и мерзавцы эти Вань! И вы, деревенские кумушки, ничуть не лучше!»

— Вы слышали, что в уезде поговаривают? — раздался чей-то голос.

— И что же?

— Говорят, тот гээр, что рыбой торгует — проклятый. На роду ему написано мужьям погибель нести. Едва помолвку справили, как в той семье несчастья посыпались: один калекой стал, другой умом тронулся.

— Продавец рыбы в уезде... Так это же наш Юй-гээр!

— А кто же еще?

— То-то ему уже восемнадцать, а замуж никто не берет.

— Но ведь его домашние все живы-здоровы?

— Так он супругам смерть сулит, а не родне! Говорят, та несостоявшаяся родня к даосу ходила, чтобы тот восьмистолпный гороскоп гээр'а проверил.

— И что же тот сказал?

— Беда, — вещала рассказчица. — Клеймо проклятия на нем. Впустишь такого в дом — век покоя не видать.

Разъяренный Ян Цюэ вихрем вылетел из-за дерева. Уперев руки в бока, он обрушился на сплетниц с бранью:

— Это в твоём доме, паршивка, покоя не видать! Ты пойдёшь у своего муженька, Юань Лаосаня, спроси — небось, каждый день локти кусает, что на тебе, девке из рода Чжан, женился!

Он перевёл дух и продолжил ещё громче:

— А что до «родни» — мой племянник ни с кем и никогда о свадьбе не договаривался! А сваха Цай пусть помалкивает, не то святые из гробов восстанут и душу её грешную заберут за то, что на честных людей напраслину возводит! Недаром её недавно поколотили — истинно, она для своей деревни Баопин сама как чума!

— И откуда вы только, змеи подколенные, таких бредней набрались? Смотрите, языки у вас длинные, в преисподней их мигом укоротят!

Увидев младшего дядю семьи Тао, сплетницы вмиг притихли. Им и в голову не могло прийти, что этот человек снова окажется рядом в самый неподходящий момент. Остаться на месте было невозможно, и женщины поспешили разойтись. Кто-то пытался было огрызнуться, но соседки тут же зашикали на смелую подружку.

— Идем скорее!

Одно дело — лаяться с Ян Цюэ, и совсем другое — дожидаться Фан У или Сун Хуань. Всем было памятно, как в молодости супруг Тао Далана с ножом в руках гнал обидчика через всё село. О таком не забывают.

Услышав крики снаружи, Тао Цинъюй сразу догадался, что односельчане снова взялись за старое.

— Старший брат! — К нему подбежали младшие дети и, испуганно прижавшись, вцепились в его ноги.

— Тише, маленькие. Цинцзя, веди Цинъя и Цинмяо в дом.

Цинъюй ласково погладил каждого по голове и, дождавшись, когда дверь за ними закроется, бросился к Ян Цюэ. Подхватив разгневанного дядю под локоть, он увел его в дом.

— Что на этот раз? Зачем так яростно браниться?

— Как «что»?! О тебе судачат! Всё эта сваха Цай, будь она неладна, со своими гнилыми обещаниями! Нужно было её ещё тогда прибить!

Ян Цюэ обернулся в сторону домов, где скрылись сплетницы:

— Бесстыжие из деревни Эрли натворили дел, получили по заслугам, а теперь на твою голову беды валят! Совсем совесть потеряли!

Видя, как разругалось от гнева круглое лицо дяди, Цинъюй принялся успокаивать его:

— Ну-ну, полно. Рот ведь чужому человеку не зашьешь.

Мужчин дома не было. После недавних снегов оба старика занемогли, и главы семейств, погрузив их на телегу, отвезли в уезд к лекарю. Дома остались лишь невестки да дети.

Фан У, услышав рассказ Ян Цюэ, помрачнел. Он так хотел устроить судьбу сына, а в итоге навлек на него позор. Терзаемый раскаянием, он стоял в стороне, плотно сжав губы и не в силах вымолвить ни слова от боли в сердце.

— Кто там опять ядом брызжет?! — Сун Хуань схватила мотыгу и решительно направилась к выходу.

Цинъюю пришлось ловить сначала одного дядю, затем вторую тётушку.

— Тётушка, родная моя! Обед почти готов, куда же вы собрались?

В то время как во дворе Тао царил хаос, дверь соседнего дома Ю тихонько приоткрылась. На пороге показалась хозяйка: с ехидной усмешкой на лице она жадно наблюдала за происходящим. Заметив этот взгляд, Фан У подхватил лежавшее под навесом полено и швырнул его в сторону любопытной соседки.

— Если хочешь смотреть — выходи и смотри открыто!

Дверь дома Ю захлопнулась с гулким стуком.

«Проклятие, ну и дикий же у них фулан!»

Этот звук наконец вернул остальных к самообладанию. Фан У сделал несколько глубоких вдохов, хотя лицо его по-прежнему оставалось серым от гнева. Он велел всем войти в дом.

— Эти слухи... Наверняка их распускает семья Вань.

За обеденным столом аппетита не было ни у кого. Трое детей, сидя рядом с родителями, чувствовали общую тревогу. Они понимали, что про старшего брата снова говорят дурное, и с грустью смотрели на взрослых.

Тао Цинъюй поймал их взгляды:

— Маленьким негоже забивать голову такими делами. Ешьте.

Цинцзя надул щеки, но послушно принялся за рис. Цинъя и Цинмяо, последовав примеру брата, тоже уткнулись в свои чашки.

Цинъюй со вздохом обратился к старшим:

— Дорогие мои, прошу вас, поешьте. Всё уже остыло.

— В горло не лезет, — отрезала Сун Хуань.

— Разве я мало слышал подобного в свой адрес? — мягко произнес Цинъюй. — У меня уже мозоли на ушах от этих слов, но ведь они не ранят плоть. Если я буду убиваться после каждого злого слова, то и жизни никакой не хватит.

Он ободряюще улыбнулся:

— Не беспокойтесь. Я не дам себя в обиду.

После долгих уговоров домочадцы всё же немного поели.

Днем вернулись мужчины. Стариков сразу устроили в постели, чтобы те могли отдохнуть.

Фан У подошел к Тао Далану, который как раз распрягал повозку во дворе, и прямо спросил:

— В уезде про нашего гээр'а никаких слухов не слышно?

— Слухов? Каких еще слухов? — Мужчины недоуменно переглянулись.

Крепкие деревенские мужики не привыкли прислушиваться к сплетням, да и в огромном уездном городе мало кто обращал внимание на их скромную семью.

Тем временем Тао Цинъюй позвал к себе в комнату младшего брата.

— Старший брат?

— Помоги мне кое в чем.

Чтобы остановить слухи, есть лишь два пути. Первый — пустить еще более невероятный слух, который затмит старый. Второй — найти корень зла и вырвать его с корнем. Уезд был слишком велик, и Цинъюй не обольщался надеждой стать там главным героем застольных бесед. Но вот деревня — совсем другое дело.

Тао Цинъюй холодно усмехнулся: неужели они и вправду сочли его столь легкой добычей?

<http://bllate.org/book/15858/1441073>